

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Введение	12
О чем эта книга	12
О ком эта книга	16
Расселение	16
Иноэтничное окружение	20
Современное изучение казахов России	21
Источник	23
Полевые материалы и проблема интерпретации	23
Место и время поездок	24
Методика сбора полевого материала	25
Организация полевой работы	26
<i>Глава первая. Постсоветские казахские миграции в российско-казахстанском пограничье и этническая самоидентификация российских казахов</i>	30
Миграции казахов на западе российско-казахстанского пограничья	32
1990-е гг. Из Казахстана в Россию	32
2000-е гг. Из России в Казахстан	36
Некоторые результаты миграций	39
Миграция казахов на востоке российско-казахстанского пограничья	40
1990-е гг. Из России в Казахстан	40
Из Казахстана в Россию:	
«В другом месте другие законы, и собаки по-другому лают»	52
Некоторые результаты миграций	59
Две родины российских казахов	63
Современные миграционные процессы в российско-казахстанском пограничье.	
Трансграничные контакты	65
<i>Глава вторая. Традиция в современных формах самоорганизации российских казахов</i>	77
Советы старейшин	77
Формы самоорганизации в традиционном обществе	77
Традиции самоорганизации в советское время	81
Современные советы старейшин	83
Аксакалы без «советов»	99

Аксакальская трапеза	101
Советы старейшины при мечетях	102
Методы воздействия советов старейшин	107
Махалля	110
Глава третья. Праздники, обряды, традиции: пути трансформации	119
Наурыз и Корису-айт: два праздника с разной судьбой	119
Наурыз	120
Корису-айт	123
Умыкание невесты: нарушение нормы становится традицией	127
Кража невесты с ее согласия	128
Кража невесты без ее согласия	129
Причины реальных и фиктивных похищений невест в настоящее время	134
Умыкание и право	140
Современные трансформации обычая умыкания невесты	144
Праздники и обряды последних десятилетий:	
обрядотворчество на основе традиции	145
Ас и дога: новое содержание годовых поминок	145
Мушел жас: древние верования в новой традиции	148
Тылашар — новый праздник по старым декалам	151
Глава четвертая. Чаепитие	155
Откуда и когда распространился чай у казахов	156
Чай в системе питания казахов	161
Время чаепития	161
Сорта чая и чайная утварь	163
Способы заваривания	164
Составляющие чая «по-казахски»	165
«Чайная церемония»	167
Коммуникативные функции чаепития	171
Глава пятая. Религиозный ландшафт	173
О понятии «традиционный», «бытовой», или «народный» ислам	173
Классический и народный ислам у российских казахов	175
Религиозный подъем и оформление исламских институтов	175
Официальный ислам против народной традиции	186
Паломничество и/или религиозный туризм на историческую родину	202
Почитание святых мест и «малый хадж» у российских казахов	202
Организация и организаторы:	
новые явления в современном паломничестве	210
Доисламские верования в современной жизни	219
Представления о даре и аруаках	220
Ислам и шаманство у российских казахов	227
Усложнение религиозного ландшафта —	
заимствования из христианства	237
О современном религиозном самосознании	239
Глава шестая. Этнокультурные процессы по антропонимическим материалам	245
Сложение современной антропонимической системы	246

Личные имена	248
Двойное именование	248
Современные тенденции в именовании	252
Связанные имена	253
Имена по обстоятельствам	254
Составные имена	254
Редкие имена	255
Влияние русского языка на антропонимическую систему российских казахов	255
Обычай, связанные с именованием	256
Обычай избегания	256
Имянаречение	257
Современные антропонимические процессы в Казахстане и их влияние на антропонимическую систему российских казахов	257
Заключение	262
Библиография	271
Приложения	289
Словарь понятий и терминов	289
Список респондентов	295

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы спросите меня, был ли я в этом районе? Да, я был <...> Поэтому всё, что я буду говорить, мною пережито, люди, о которых я буду повествовать, я их знал, я вступал с многими из них в сношения, и, даже больше, между ними я имею немало друзей, и <...> каждый раз, когда кто-нибудь едет в Азию или обратно, я восстанавливаю с ними духовное общение.

Востоковед, профессор, генерал А. Е. Снесарев (1865–1937)
(*Снесарев* 2002: 18–19)

Когда в середине 2000-х гг. авторы этой книги вместе стали ездить к российским казахам, почти всегда находились вьедливые собеседники, которые задавали неизменный вопрос: «Почему вы изучаете казахов? Вы что, замужем за казахом?» Первой нашей реакцией была улыбка и недоумение — почему же обязательно замужем? Хотя с точки зрения антропологии академической жизни такое жизненное наблюдение может представлять и научный интерес: увлечение этнологией поначалу неизбежно связано с очарованием изучаемым народом, следствием чего, естественно, могут стать и межнациональные браки. В нашем случае столь очевидная для людей причина отсутствовала. Однако заданный нам вопрос нельзя назвать простым, и ответ на него не может быть однозначным.

Радикальные изменения 1990-х гг. оказались критическими для российской науки. Изменилось не только название науки, которой мы служим, — с этнографии на этнологию. Надо было адаптироваться к новой действительности и условиям научных исследований. В свое время наши учителя надолго уезжали в этнографическое поле. Лев Павлович Лашук (1925–1990) многие месяцы жил среди народов Северного Приуралья, а Сергей Петрович Поляков (1932–2012) сорок с лишним экспедиционных сезонов провел в республиках Средней Азии. Причем оба выезжали в экспедиции со студентами Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, оба привлекали научные и студенческие силы в регионах. Опыт их работы и организация полевых исследований во многом были универсальными в то время, соответствовали общераспространенным методикам и преподавались нам во время обучения на кафедре этнографии (с 1992 г. — этнологии) исторического факультета МГУ. На нашу долю выпало искать новые пути практической работы. В 1990-х гг. исследовательское поле этнологов предметно расширялось довольно стремительно, и так же стремительно вроде шагреновой кожи, сокращалось географически вместе с территориальными потерями страны, скудным финансированием и социальной нестабильностью. Не так-то просто было выехать и работать в государствах Средней Азии, и практически невозможно было организовать эту работу со студентами. Таким образом, на наших глазах ушли в прошлое прославленные комплексные университетские и академические экспедиции в Среднеазиатско-Казахстанский регион.

Один из авторов книги — сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Ольга Борисовна Наумова, с середины 1980-х гг. проводила полевые исследования в Казахстане, изучала этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах республики (*Наумова* 1988; *Наумова* 1991; 1992; *Наумова, Чешко* 1989). Поэтому в новых условиях естественно было продолжить изучение казахов, но уже на территории России. Другой автор — Елена Игоревна Ларина, доцент кафедры этнологии истфака МГУ, руководствовалась необходимостью организации полевой среднеазиатской практики студентов на кафедре этнологии. Для работы этнографических экспедиций в Узбекистане или Таджикистане в то время возможностей не было, а для изучения российско-казахстанского пограничья в пределах России имелись все необходимые ресурсы. Мы решили объединить наши усилия и вместе проводить полевые исследования среди российских казахов.

Утвердиться в нашем выборе помог случай. 19 декабря 1996 г. в Москве проходила конференция «Казахстан — независимость и евразийское гуманитарное единство», на которой мы познакомились с Полатом Онеровичем Джамаловым, тогда общественным активистом среди казахов г. Москвы, а теперь председателем национально-культурной автономии казахов г. Москвы. Он оказал нам неоценимую поддержку в организации экспедиций. Будучи главой московских казахов и активным участником Всемирных курултаев казахов в Казахстане, Полат Онерович обладал всеми необходимыми для нас контактами, он становился нашим поручителем перед региональными общественными организациями и гарантом нашего профессионализма — для них. Так сложилась схема организации исследований — устанавливался контакт с областной национально-культурной организацией казахов, совместно с которой затем разрабатывался маршрут исследования по районам той или иной области. Таким образом, наше исследование охватило большую часть территории с компактным проживанием казахов вдоль протянувшейся на семь с половиной тысяч километров российско-казахстанской границы: 2005 г. — Самарская обл., 2006 г. — Кош-Агачский район Республики Алтай и Оренбургская область, 2007 г. — Астраханская область, 2008 г. — Саратовская область, 2009 г. — Омская область, 2011 г. — Курганская область, 2012 г. — Волгоградская область.

Там, где велась исследовательская работа и сбор материалов для местной прессы, к нам прикрепляли сотрудников газеты, национально-культурной организации или аспирантов. Они собирали материал для газеты или диссертации, а иной раз выступали переводчиками с казахского на русский язык. В Оренбургской области вместе с нами проводили свои исследования тогда аспирантка Оренбургского аграрного университета, а сейчас его доцент Биганша Беркимбаевна Алимбаева и юная корреспондентка областной газеты «Айкап» Айнура Утепова; брат председателя оренбургской областной общественной организации «Казак тиле» Тимур Азмуханович Байдавлетов был непревзойденным рассказчиком и своего рода проводником в самые удаленные уголки региона. В Кош-Агачском районе Республики Алтай рядом с нами всегда были сотрудницы центра казахской культуры «Мирас» и авторы районной газеты «Чуйские зори» Зухра Ядыгемовна Байгонусова и Айсара Кантаевна Алкенова. В Саратовской области вместе с нами работал аспирант факультета истории международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Амангельды Базарбаев.

В гостях у Геннадия Алибекова. Московская обл., г. Голицыно. 2010 г.

Фото Е. В. Дёминой

Мы бы хотели выразить глубочайшую признательность за содействие, моральную, а иной раз и материальную поддержку лидерам казахского общественного движения в России и привести здесь их имена: Полат Онерович Джамалов, Асылбек Куантаевич Толешов (Москва); Никита Сеитович Искаков, Нургали Исмагулович Байтемиров и Канат Зенетуллаевич Шантимиров (Астрахань); Разий Абильевич Акишев, Амантай Шингалиевич Бисекенов, Амангельды Джумагулов и Якуб Абдрахманович Умбеталиев (Волгоград); Урал Идрисович Ахметов, Боранбай Байгенженович Безжигитов, Сайлау Салыкович Даулетов и Кайрат Науанович Уралов, учительница в с. Яровое Толеу Касымхановна Баймужикова (Курган); Алтынай Хайдуллоевна Жунусова и Геннадий Темиржанович Алибеков (Омск); Азамат Азмуханович Байдавлетов и Торегали Абдулович Казиев (Оренбург); Ауельхан Жазитович Джаткамбаев и его супруга Бесайдар (Республика Алтай, Кош-Агачский район); Токтарбай Кадыргалиевич Дусенбаев (Самара); Марат Сапаргалиевич и Руслан Сапаргалиевич Бисенгалиевы (Саратов). Это подвижники и альтруисты, глубоко чтящие культуру и историю своего народа. Их деятельность доставляет им немало хлопот и не приносит иных дивидендов, кроме моральных. Они — хранители исторической памяти, традиции и самоуважения народа. Им и всем тем, кто приходил к нам на помощь в наших путешествиях, кто делился с нами и кровом и знаниями, кто рассказывал нам свою историю и историю своего народа, посвящена наша книга.

В книге использованы фотографии авторов, а также студентов, участвовавших в экспедициях к российским казахам — Анны Андреевской (Солдатовой), Евгении Дёминой, Андрея Окунева и Анны Уманской.

Сбор материала для этой книги осуществлялся при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в виде грантов: № 06-01-18026е «Казахи России: экономика, культура, религия»; № 06-01-00134а «Миграция из Центральной Азии в Россию: проблемы интеграции и адаптации мигрантов»; 09-01-00251а «Центральноазиатские диаспоры в России»; № 11-01-00045а «Проблемы межкультурного взаимодействия мигрантов из Центральной Азии и российского общества»; № 15-01-00442 «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире».

ВВЕДЕНИЕ

О чем эта книга

Полтора столетия модернизации Российской империи стали поворотным рубежом для истории населяющих ее народов. Долгое время воспринимавшаяся как исключительно прогрессивная и безусловно положительная, модернизация сегодня рассматривается и как негативный опыт, опыт утраты и исторической травмы, особенно на фоне построения советского общества с его «догоняющей модернизацией». Экономические преобразования и радикальные изменения социальной структуры общества привели к «вере в прогресс и в “смерть прошлого”, т. е. в разрыв с традиционным обществом» («миром, который мы потеряли» Ж. Ш. Пламб) (Копосов 2013: 63). Индустриальное общество, казалось, не нуждалось в архаичных традициях при строительстве «нового мира»; в советской традиции это вылилось в «борьбу с пережитками» прошлого, искоренение обычая и конструирование новых традиций. Неудивительно, что уже в 1960-х гг. появилась ностальгия по уходящей традиции, в литературе возникла проза «деревенщиков», в городе — мода на «народность». В этнологии же создавались концепции, осмысливающие устойчивость традиционного и его соответствие советскому образу жизни, особенно в сельской местности или на «национальных окраинах» — в советских республиках Кавказа и Средней Азии (Поляков 1989; Карлов 2010; Ларина 2014).

Модернизация имела густое национальное наполнение. На смену культурогенезу, составлявшему суть развития центральноазиатского региона на протяжении всей его истории, пришел процесс становления национальных идентичностей и национальных государств (Массон 2006). Проблема «национального возрождения» — одна из главных проблем центральноазиатских государств. В отличие от Запада, где формирование индустриальных обществ и соответственно наций завершилось столетие назад, для Центральной Азии период социально-экономических и политических трансформаций и нациеобразования на рубеже XX–XXI вв. вступил в пиковую фазу, что связано в первую очередь с образованием суверенных государств (Абашии 2007; Ильхамов 2002; Центральная Азия 2009; Шоберлайн-Энгел 1997).

Традиционно центральноазиатское общество имело сложное социальное строение с различными типами самосознания (родоплеменным, сословным, локальным, социально-хозяйственным, религиозным) (Абашии 2007: 11–35). Во второй половине XIX в. в Центральную Азию проникает этнонациональное самосознание: «...в новейшее время под влиянием европейской культуры (через посредство

России) возникло стремление к национальному единству», — написал по этому поводу востоковед В. В. Бартольд (*Бартольд* 1964: 529). Советская власть стремилась максимально упростить национальную структуру центральноазиатского общества. В 1920-х гг. был прерван процесс этнизации кипчаков, сартов, юзов, текинцев, йомудов и др. На основе национального деления, проведенного большевиками, в наши дни идет так называемое «национальное возрождение». Современная власть пытается обеспечить однородность казахского, узбекского, туркменского, киргизского и таджикского (включая в него памирские народы) самосознания, которое должно обеспечивать «единство нации». Такая этнизация является неотъемлемой чертой модернизации. На основе этих двух посылов государства вырабатывают национальную идеологию, призванную обеспечить национальную консолидацию в обществе (*Доктрина* 2010; *Каримов* 1999; *Рахмонов* 2000).

Практическая реализация новых теорий осуществляется в контексте двух противоречивых тенденций. Первая связана с изменением качественного состояния мира в конце XX в. и переходом от индустриального к постиндустриальному этапу истории, который также получил название постиндустриальной цивилизации, или стадии глобализации. Этот переход сопровождается подъемом национального самосознания и усилением межэтнических противоречий (*Карлов* 2010; *Смит* 2004).

Унификация образа жизни в обществе на стадии глобализации потребовала от этносов выработки новых адаптивных механизмов, поддерживающих самосознание и самоидентификацию народов. В традиционном обществе жизнеобеспечение и его этнические особенности являлись результатом длительной адаптации к специфическим условиям природно-экологической среды, в которой происходило их становление. Новое и новейшее время отличаются принципиальной сменой адаптивных механизмов общества по отношению к среде. Индустриализация меняет среду обитания, профессионализируется духовное производство. Происходит трансформация этноспецифических черт в новых условиях. Надежным признаком этноса становится самосознание и самоидентификация народов. И если по мере модернизации исчезают этнически специфические элементы культуры, то на первый план выходят формы общения, социальные связи этноса (*Барт* 2006: 46; *Карлов* 2010).

В Центральной Азии радикальная трансформация общественных связей происходила в советский период. Сложилась уникальная система двойственности, отличная от периода XIX в. с его «косвенным управлением» (*Глущенко* 2001). Советское государство заменило традиционные институты власти новыми в соответствии с советским законодательством, начало модернизацию края, создало здесь развитую промышленную базу и т. д. Вместе с тем вся обычная жизнь происходила «по традиции», хотя какие-то нормы и институты сохранялись скорее в виде исторической памяти, мерцающих анахронизмов и частично воспроизводились старшим поколением.

Для народов бывшего СССР периодом активизации, кристаллизации традиционных социальных связей стало время 1990-х гг. С началом перестройки и деидеологизации общественной жизни, а также в связи с реалиями становления рыночной экономики происходил резкий подъем национального самосознания, коренные изменения в жизнеобеспечении, рост девиантного поведения, и как следствие, в тех или иных этнических группах складывались различные механизмы реакции

на перечисленные процессы. Одной из форм адаптации к изменившимся условиям стало воссоздание традиционных социальных институтов. В Центральной Азии этот процесс начался стихийно, снизу, стал своего рода переосмыслением собственных традиционных норм. Государство с течением времени придавало традиции легитимный характер — создавая исполнительные органы на общественных началах.

Традиционные социальные отношения во многом были воссозданы заново, вместе с тем они продолжают формироваться, некоторые стали новой традицией. Какие-то из институтов стали частью национальной идеологии, например советы старейшин в Казахстане или махалля в Узбекистане. Но все они являются неотъемлемой чертой современного национального самосознания. Нельзя сказать, что для народов Центральной Азии обозначенные социальные институты являются универсальными. В среде бывших кочевников и у населения оазисов они актуализированы в разной степени. Однако общей генеральной функцией этих институтов является поддержание локального сообщества. Такое локальное сообщество в центральноазиатском регионе зачастую пронизано тесными родственными связями, поэтому происходит воспроизводство и поддержание родовых отношений, сплочение общности, что улучшает ее позиции в окружающей социальной среде.

Воссоздание традиций входит в противоречие с генеральными изменениями в сторону интеграции и глобализации. Именно оно является противоположным модернизации процессом. Некоторые исследователи называют этот процесс «традиционализацией» (Волков 2008; Кадыров 2003: 13, 223–226; Чешков 1998), другие — «архаизацией» общества (Ламажаа 2013).

Наша книга посвящена изучению традиций, прошедших сквозь модернизацию — полузабытых, минимизированных, дополненных и изобретенных — востребованных и актуализированных сегодня¹. Традициям, «изначально присущим человеку с момента появления его на свет как в филогенетическом, так и онтогенетическом смысле», и означающим «передачу в диахронном плане, от старших к младшим, от поколения к поколению, от когорты к когорте устоявшихся форм поведения, навыков, понятий, т. е. всего, что составляет костяк культуры» (Арутюнов 2012: 279). Это традиции российских казахов — этнической группы, волею политической судьбы оказавшейся за пределами политической родины и тем самым обретшей некую границу в отношениях с основным этническим ядром. Книга основана на современном, собранном за последнее десятилетие полевом материале. Однако традиции, фиксируемые нами сегодня, уходят корнями в традиционное общество казахов, и увидеть пути и механизмы их трансформаций можно исходя из понимания, что эти трансформации суть отражение развития традиционного казахского общества, его постепенной модернизации. В известной теории Ю. Хабермаса, посвященной ключевой проблеме социально-культурного развития человека и общества в индустриальную эпоху, «традиционное» и «модернизированное» общества противостоят друг другу (Хабермас 2007). Однако в случае российских казахов это противопоставление ничего не говорит об исторических детерминантах и характеристиках социокультурного процесса.

¹ Учитывать феномен «актуализации традиций» при исследовании современных этнических процессов предлагал в 1990 г. уже тяжело больной Лев Павлович Лашук (Карлов 2016: 8).

Слово «современный» мы используем в двух значениях. Одно значение вытекает из противопоставления современного «прежнему», «прошлому»: «В этом значении данное определение присваивается идеям, предметам или лицам, которые в то время, что является на момент высказывания настоящим, репрезентируют некий институт, существующий на протяжении длительного периода и при этом заполняемый сменяющимся содержанием» (Гумбрехт 2014: 245). Второе используемое нами значение «описывает современность, переживаемую как эпоху, которая в силу определенных качеств, свойственных ей в целом как чему-то гомогенному, несмотря на всю ее сложную природу, отделяется от эпох прошлого» (там же: 246). В этом смысле современные традиции казахов России — это результат социально обусловленного выбора возможностей из существующего спектра традиционных практик, как старых, так и сформировавшихся в советский период. Традиции в современности становятся категорией движения, осознанием необходимых изменений и выработки новых адаптивных практик на пути в будущее до окончания модернизации как таковой и установления индустриального общества, когда патриархальная принудительная сила традиции уступит место обязательности выбора.

Мы думаем, что, несмотря на все увеличивающийся интерес историков и антропологов к индивидуальному, к отдельному случаю, к локальности, проблема исследования более широких объединений людей остается актуальной. Ведь чтобы «посмотреть, каким образом отдельные человеческие жизни (или повседневности) разворачиваются одновременно в разных течениях» (Абашиш 2015: 48), надо увидеть и изучить эти течения, «большие социальные потоки», процессы, в которые втягиваются конкретные личности, отдельные семьи и которые в свою очередь тоже влияют на эти процессы. Это определило наше стремление охватить основные регионы компактного проживания казахов в России и генерализировать наши наблюдения, интерпретации и выводы в виде выявления процессов трансформации этнической культуры.

Важным фактором этнокультурных трансформаций российских казахов являются внешние влияния, обусловленные характером их расселения: хотя географически российские казахи находятся в России, в этнокультурном плане их место — между Россией и Казахстаном. Для казахов России на протяжении XX столетия была присуща двойная удаленность — от этнического ядра, основной территории проживания казахов, и от политических центров — Москвы и Алма-Аты. Они всегда занимали периферийное положение в политическом и культурном планах. Такое периферийное положение вместе с тем не означало, что регионы расселения российских казахов находятся в изоляции (частичное исключение представляет Кош-Агачский район Республики Алтай). Напротив, при максимальном сохранении наиболее архаичных черт этнической культуры здесь располагалась область активных заимствований и инноваций — один поток шел от казахов Казахстана, другой — от иноэтнического окружения на территории России.

В последнее десятилетие XX в. сложились новые условия для этнокультурного развития российских казахов. Оно получило мощный толчок на волне рестроечного подъема национального (этнического) самосознания и религиозно-возрождения, которые в то время переживали все народы Советского Союза. В 1991 г. страна распалась, и ее граждане в одночасье перестали быть соотечественниками. Казахи Казахской ССР и казахи, населявшие РСФСР, отделенные

от основного этнического массива лишь формальной административной границей, оказались гражданами разных государств — Республики Казахстан и Российской Федерации. Произошла и эссенциализация двойной удаленности казахов России.

С одной стороны, физическое разделение территории обитания казахов политической границей хотя и усложнило контакты российских и казахстанских казахов, но не порвало их тесных связей; к тому же граница в связи с образованием Евразийского экономического пространства с каждым годом становится всё более прозрачной. Кроме того, сохраняется и укрепляется общее информационное пространство, которому при современных средствах коммуникации не страшны никакие политические границы.

С другой стороны, существование в разных, хотя и дружественных государствах, накладывает ощутимый отпечаток на этнокультурное развитие и идентификацию как основного этнического массива казахов, развивающегося в рамках независимого государства, так и этнической группы российских казахов. После распада СССР власти новообразованных государств начали поиск концептуального выражения единства наций, отправной точкой которого стало осмысление понятия нации в этническом или государственном смысле: в России и Казахстане вектор поиска имеет одинаковое направление в сторону формирования гражданской нации — россиян (*Тишков 2010*) и казахстанцев (*Назарбаев 2008; Доктрина 2010*). Успешность такого конструирования новых идеологий зависит не только от интеллектуальных усилий политиков и идеологов, но и от восприятия новых образов культурой массовой, «простонародной», коллективно-бессознательной. Российские казахи, не теряя *этнической* идентичности, в полной мере ощущают себя гражданами России, признают это государство своим, что и составляет основу их *национальной* идентичности. И в этой связи авторы книги ставили целью показать, как сегодня живут казахи России, являясь полноправными гражданами этого государства и в то же время находясь в постоянном контакте с казахами Казахстана, — другими словами, рассмотреть существование группы между этническим и национальным полюсами влияния, увидеть трансформации в этнической культуре и самосознании, вызванные этими факторами.

О ком эта книга

Казахи, проживающие в Российской Федерации, расселены по северной и западной окраине основного казахского этнического ареала. Здесь смешанное русско-казахское население образует широкую полосу, разделенную казахстанско-российской границей, протяженностью в семь с половиной тысяч километров.

Расселение

Основная масса казахов в России — более 90% — расселена в областях, граничащих с Республикой Казахстан: Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Самарской, Оренбургской, Челябинской, Тюменской, Курганской, Омской, Новосибирской, Алтайском крае и Республике Алтай. По переписи населения 2010 г. в России

насчитывается 647 732 казаха, что составляет 0,472% от всех жителей страны, указавших свою национальную принадлежность. Из них 238 905 (36,9%) казахов живут в городе и 408 827 (63,1%) — в сельской местности (Демоскоп Weekly, http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php).

Таблица 1

Численность казахов в РСФСР и Российской Федерации по переписям 1939–2010 гг.

1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
356 646	382 431 +25 785	477 820 +95 389	518 060 +40 240	635 865 +117 805	653 962 +18 097	647 732 –6230

Как видно из табл. 1, численность казахов в РСФСР в составе Советского Союза, а затем в Российской Федерации вплоть до 2002 г. неуклонно повышалась, пики прироста пришлись на 1960-е и 1980-е гг.: 24,9 и 22,7% соответственно. В постперестроечное время, с ломкой экономической системы и ухудшением материального благосостояния людей, прирост численности казахов России резко снизился — до 2,8%, а затем, к последней переписи, сменился спадом — казахское население России уменьшилось на 6,23 тыс. чел. Причинами такого замедления и затем спада роста численности (характерного, отметим, для всей страны), несомненно, являются экономические трудности конца 1990-х — начала 2000-х гг., а также общедемографические тенденции снижения рождаемости, свойственные всё более урбанизирующимся обществам. Однако динамика численности казахского населения России определялась помимо этих и другим фактором, а именно миграционными процессами, причины, ход и результаты которых будут рассмотрены в гл. 1.

Здесь же отметим, что рост и спад численности казахов России идет неравномерно по областям их расселения, что видно из табл. 2.

В Поволжье — Астраханской, Волгоградской и Самарской областях, а также в Тюменской области и Республике Алтай переписью 2010 г. фиксируется даже небольшой прирост. В других областях казахское население уменьшилось, а в Курганской и Новосибирской этот процесс начался еще раньше — он фиксируется уже переписью 2002 г.²

Родоплеменная принадлежность. Важной характеристикой казахов, в том числе российских, является их родоплеменная принадлежность. Казахи делились на три жуза, которые в свою очередь дробились на множество иерархически организованных патронимических групп — племен, родов и более мелких родоплеменных групп, которые создавали сложную и широко разветвленную родоплеменную структуру (подробнее см. *Масанов* 1995: 55–64, 144–147)³. За казахскими жузами, племенами

² Такая разница отчасти может объясняться внутренними миграциями. Так, вполне возможен отток из Курганской и Новосибирской областей в Тюменскую, причем в привлекающий рабочую силу Ханты-Мансийский автономный округ: по переписи 1989 г., в нем проживало всего 563 казаха, а в 2002 г. уже 4258 (в 2010 г. — 4382).

³ Знаком родоплеменной структуры казахов Н. Э. Масанов отмечал, что для многочисленных уровней этой структуры в казахском языке существует лишь несколько терминов: ата-баласы (сыновья одного отца, самое низшее родоплеменное подразделение), ру (род), тайпа (племя) и т. д. «Они не имеют четкого смыслового значения и носят нередко

Таблица 2

Численность казахов, проживающих в пограничных с Казахстаном областях России по переписям 1959–2010 гг.

Область	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Астраханская	68924	96662	104954	126500	142633	149415
Волгоградская	23320	31548	34872	41505	45301	46223
Саратовская	43987	57369	63345	73428	78320	76007
Самарская	7914	10392	11223	14233	14918	15602
Оренбургская	77708	93214	98612	111477	125568	120262
Челябинская	22813	27559	28224	33230	36219	35297
Курганская	9740	12581	14040	15817	14804	11939
Тюменская	6371	8868	10196	15682	18639	19146
Омская	44876	52703	61157	74991	81618	78303
Новосибирская	13265	12184	11837	12322	11691	10705
Алтайский край	19798	19689	19457	21709	9825	7979
Республика Алтай	4745	7170	8677		12108	12524

Составлено по данным сайта Демоскоп Weekly, <http://demoscope.ru/weekly/>

и родами издавна закрепились определенные территории кочевания. На конец XIX — начало XX в. они были зафиксированы как отдельными учеными — географами и этнографами, так и несколькими экспедициями, занимавшимися землеустройством крестьян-переселенцев. Результаты этих исследований были обобщены в советское время В. В. Востровым и М. С. Мукановым, которые дополнили их собственным полевым материалом. Для подробного воссоздания родоплеменного состава казахов российско-казахстанского пограничья на период рубежа XIX–XX вв. отсылаем читателей к их работам (*Востров, Муканов* 1968; *Муканов* 1974; 1991).

Здесь же отметим крупные родоплеменные подразделения, кочевавшие в северных частях Казахской степи — жузы, племена, рода, которые составили старожильческое казахское население современной Российской Федерации. Казахи Младшего жуза обитали в западной части современного российско-казахстанского пограничья — вплоть до юго-восточной части Челябинской области. Казахи поколений *байулы* (рода *черкеш*, *байбакты*), *алимулы* (род *кете*), *жетыру* (род *кердери*) имели зимовки и летние пастбища на территории, прилегающей к современной казахстанско-российской границе до Саратовской области. По границе с современной Оренбургской областью расселялись казахи поколений *байулы* (род *маскар*) и *жетыру* (рода *тама*, *табын*, *кердери* и *жагалбайлы*). Земли жагалбайлы продолжались и по юго-восточной границе современной Челябинской области.

Далее на восток начиналась территория расселения казахов Среднего жуза — племен *кытчак* и *керей* — южнее совр. Челябинской, Курганской и Тюменской областей; *аргыны*, *керей* и *кытчаки* занимали юг совр. Омской области; *аргыны*, *уаки*

универсальный характер. В русском языке такого рода терминов также немного, а их употребление носит искусственный характер» (Казахи 1995: 11). Мы используем принятые в русскоязычной литературе традиционные термины «племя», «род», «колена», а также обобщающий термин «родоплеменное подразделение».

и *кереи* кочевали на востоке Павлодарского уезда, вдоль границ совр. Новосибирской области и Алтайского края. Казахи племени *найман* населяли Усть-Каменогорский уезд, и уже в последней трети XIX в. часть их переселилась на территорию совр. Кош-Агачского района Республики Алтай.

В настоящее время российские казахи всех приграничных областей (кроме Кош-Агачского района Республики Алтай, о котором скажем ниже) в родоплеменном отношении представляют собой весьма гетерогенную общность, состоящую из множества мелких родовых подразделений как местных, кочевавших тут более 200 лет, так и пришедших в разное время из разных областей Казахстана. Основные волны казахских миграций XX в. в Россию пришлись на начало 30-х и на 90-е гг.

Пример Домбаровского района Оренбургской области дает представление о формировании современного казахского населения, его родоплеменного состава в российско-казахстанском приграничье. В начале XIX в., по сведениям оренбургского генерал-губернатора Г.С. Волконского, в этих местах по рекам Орь, Урал, Илек, Хобда имели летовки казахи Младшего жуза племен *жетьыру* (*кердери, тама, жагалбайлы*) и *алимулы* (*шомекей*) (Муканов 1991: 16). По рассказам домбаровских старейшин, род *жагалбайлы* (подразделения *есен, бескурек, аккожа, шубаратты, бормантай*) живет тут издавна, так же как и несколько семей казахов Среднего жуза племени *аргын* рода *канжигалы*, потомков одного из воинов Кенесары и Наурызбая Касымовых, который женился на местной казашке из рода *жагалбайлы*.

Другая значительная группа казахов появилась в этих местах в конце 1920-х — начале 1930-х гг. во время коллективизации в Казахстане и вызванного ею голода. Тогда на территорию Домбаровского района прикочевали казахи из Кустанайской (Средний жуз, племя *аргын*, роды: *таза, акназар, кызмакпал, есназар*), Тургайской и Актюбинской областей (Младший жуз, племя *алимулы*, роды: *тортқара, шемекей, шекты*) и из Западного Казахстана — Уральской и Гурьевской областей (Младший жуз, племя *байулы*, роды: *адай, жаппас, алаша, маскар, бериш*). И, наконец, в 1990-х гг. после распада СССР в Домбаровский район стали переезжать казахи из сел и аулов приграничных районов Казахстана, где в период перехода к рыночной экономике сложилась чрезвычайно тяжелая ситуация. Таким образом, родоплеменной состав оренбургских казахов в настоящее время очень разнообразен, в связи с чем родовая идентичность утратила свою актуальность, всё более становясь фактом исторической памяти. Не случайно, что родоплеменная принадлежность казахов из Казахстана, прибывших в последние десятилетия, не очень интересует российских казахов (Полевые материалы авторов. Далее — ПМА 1998, Оренбургская обл.⁴).

В отличие от других групп казахи Кош-Агачского района Республики Алтай в связи с изолированностью их географического положения сохраняют стабильность родоплеменного состава. Это в основном казахи Среднего жуза племен *найман* (родов *саргалдак* и *самай*), а также некоторое число казахов *кереи* (*абак*) и *уак* (*шога*).

⁴ Полная схема ссылки на полевые материалы такая: ПМА год, место проведения полевых работ: фамилия респондента. Для уточнения данных об экспедиции и респонденте см. табл. на с. 24–25 и Список респондентов.

Иноэтничное окружение

Еще одной важной характеристикой казахского населения России является его длительное проживание в инонациональной среде. С одной стороны, казахи уходили в русские села на заработки, переходили расположенные по границе со Степью казачьи линии, отдельные семьи подсеялись в русские поселки. С другой стороны, крестьяне из Европейской части России, особенно в начале XX в., стали основывать на казахских летних пастбищах свои поселения.

На территорию того же Домбаровского района во время стольпинской реформы пришли русские и украинские крестьяне-переселенцы, образовав здесь деревни Еленовка, Соколовка, Камсак, Богоявленка. После революции сельсоветы и ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли) формировались по национальному признаку (в районе было 5 аульных — казахских и 4 сельских — русских и украинских сельсовета), но уже в 1930-х гг. стали появляться колхозы со смешанным в национальном отношении населением (колхоз им. Куйбышева составили русские и казахи, «Новая жизнь» — украинцы и казахи) (ПМА 1998, Оренбургская обл.).

В настоящее время все приграничные районы — многонациональные. Большинство иноэтничного окружения казахов составляют русские. Так, в Ясенском р-не Оренбургской области, где казахи образуют большинство, по переписи 2010 г., 56,1% составляют казахи, 27,0% — русские, 6,8% — украинцы, 2,5% — татары; в Домбаровском р-не: 43,1% казахов, 39,5% русских, 6,9% украинцев, 2,2% татар, 2,2% немцев. Населенные пункты, где живут казахи, также многонациональные, хотя в некоторых аулах казахи могут составлять подавляющее большинство. В Шербакульском районе Омской области, к примеру, 16,9% казахов, 64,5% русских, а в расположенном на его территории ауле Артакшил проживают только казахи. В Исилькульском районе Омской области 8,5% казахов, а в находящемся здесь ауле Каскат также практически все жители — казахи.

В отношении этнического состава окружения казахи Кош-Агачского района также отличаются от остальных российских казахов. По данным переписи 2010 г. они насчитывают 9747 чел. (53,4% населения района). Так же как и остальные российские казахи, кош-агачцы живут в инонациональном окружении, однако этнический состав его другой: в Кош-Агачском районе казахи живут в соседстве с алтайцами и теленгитами (45%); русские составляют всего 3,2% (Перепись 2010 по Кош-Агачскому р-ну). Этнографы отмечают некоторые взаимовлияния кош-агачских казахов и теленгитов на уровне традиционно-бытовой культуры (Тадина 1996). Укажем еще на одну черту расселения кош-агачских казахов, отличающую их группу от других российских казахов — они живут в изолированном и труднодоступном месте. Район занимает Чуйскую степь, попасть в которую можно по единственной дороге — Чуйскому тракту, через высокогорные плато Укок и Аргут. От районного центра пос. Кош-Агач до ближайшего города Горно-Алтайска 560 км. В отличие от степи и лесостепи, открытых для контактов проживающего там населения, горы способствовали изоляции кош-агачских казахов, сформировали их в сплоченную, обладающую рядом этнокультурных особенностей группу.

Современное изучение казахов России

К настоящему времени этнографами и историками, краеведами и энтузиастами исследованы многие аспекты истории и культуры разных групп российских казахов. Дореволюционная и частично советская история изучения казахов, позволяющая судить и об историографии казахов, проживающих в России, описана достаточно подробно (Масанов 1966). Здесь же кратко перечислим поздние советские и постсоветские исследования, посвященные российским казахам, которые проводились в регионах России.

Изучение кош-агачских казахов было положено экспедицией С.И. Руденко 1927 г. (Самойлович 1930). В работах 1960-х — 1980-х гг. встречались краткие этнографические сведения об этой группе (см., например: Кабо 1974; Вайнштейн 1980), было начато исследование особенностей их языка (Болатов 1962). Обобщающая монографическая работа, посвященная казахам Кош-Агача, принадлежит А.В. Коновалову, который с 1976 по 1980 г. проводил полевые исследования во всех местах их проживания (Коновалов 1986). Изучение казахов Алтая и Южной Сибири сегодня активно проводит И.В. Октябрьская, акцентирующая внимание на вопросах истории и культуры, религиозного сознания, этнической идентичности, отдельных обрядах разных групп алтайских казахов (Октябрьская 1997; 1999; 2008а; 2008б; 2011). Исследования по казахам Алтая и их взаимодействию с окружающими народами проводит Н.А. Тадина (г. Горно-Алтайск) (Тадина 1996; 2008).

Планомерные исследования казахов Западной Сибири начались в середине 1970-х гг. с экспедиций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского под руководством Н.А. Томилова и трудов последнего по этнической истории тюркоязычного западносибирского населения, в том числе и казахов (Томилов 1981; 1992 и др.). В настоящее время большую работу по изучению казахов Западной Сибири ведет Ш.К. Ахметова (Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН) (2002; библиографию ее работ см.: Томилов 2013: 34–36). Подробную историю изучения казахов региона начиная с середины XIX в. также можно найти в статьях Н.А. Томилова и Ш.К. Ахметовой, которые разработали периодизацию этого процесса и дают ссылки на публикации практически всех ученых, работавших среди западносибирских казахов (Ахметова, Томилов 2010; Томилов, Ахметова 2013). Они проводят не только исследовательскую работу, но и выступают организаторами науки в этом направлении, регулярно проводя конференции международного уровня (например Казахи Омского Прииртышья 2007; Казахи России 2010; Казахи в Евразийском пространстве 2014) и экспедиции совместно с казахстанскими учеными (Томилов 2014: 127).

Казахам Саратовской области посвящены труды Г.А. Ташпекова. Он исследовал процессы оседания и окрестьянивания саратовских казахов, историю репрессий и общественных движений, национального образования, а обобщающие исследования построены по монографическому принципу, т.е. охватывают и историю казахов региона, и общественный строй и быт, и социальные и культурные изменения в конце XX — начале XXI в. (Ташпеков 2002; 2015).

Современное изучение оренбургских казахов было инициировано государственными органами Оренбургской области. Начиная с 1990-х гг. властными

структурами большое внимание уделяется межнациональным отношениям в регионе, в том числе положению казахов как одного из народов, населяющих область, казахско-русским отношениям и т. п. Причем эта работа была поставлена на научную основу. При главе области были созданы совет национальностей, комитет по межнациональным отношениям, организовавший этнополитические мониторинги ситуации (Амелин 1997; 1998), информационно-аналитическая служба, проводившая регулярные опросы населения в российско-казахстанском приграничье (Амелин, Виноградова 1997; 1998). Эта работа продолжается в НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (Амелин, Денисов, Моргунов 2013). В Оренбурге регулярно проводится межрегиональная научно-практическая конференция «Казахи Оренбуржья: история и современность», по материалам которой издаются сборники статей, посвященные истории казахов (например, Вместе на одной земле 2006; Казахи Оренбуржья 2003; Казахи Оренбуржья 2005). В контексте этногеографии региона казахское население изучается Т. И. Герасименко (Герасименко 2010). В п. Акбулак Оренбургской обл. проживает местный краевед и активист Торегали Абдулович Казиев. Нетривиальный, неакадемический взгляд на историю в его работах требует вдумчивого прочтения (Казиев 2004).

Ведущими исследователями казахов Астраханской области можно назвать В. М. Викторина и А. В. Сызранова. Ключевыми проблемами в их исследованиях стали история, социально-политические структуры и религиозная жизнь казахов области, их взаимоотношения с ногайцами-карагашами (Викторин 2008; Викторин, Идрисов 2013; Викторин, Сызранов 2007; Сызранов 2007а, 2007б). Краеведческое изучение казахов Астраханской обл., а также издание материалов по истории казахов Астраханского края и учебника казахского языка для российских казахов связано с именем Г. Д. Урастаевой (Искаков, Урастаева 1999; Урастаева 2000; 2001).

Авторы данной книги начинали свои исследования российских казахов по отдельности — О. Б. Наумова в 1998 г. в Оренбургской и Саратовской областях (Наумова 2000), Е. И. Ларина — в 2005 г. в Самарской области (Ларина 2006). С 2006 г. мы работаем над темой вместе и опубликовали ряд статей, проблематика которых составила основу этой книги (Ларина, Наумова 2006а; 2006б; 2006в; 2007а; 2007б; 2008а; 2008б; 2009а; 2009б; 2010а; 2010б; 2012а; 2012б; 2013а; 2013б; 2014а; 2014б; 2014в; 2015).

В Казахстане ведущим исследователем казахов России является Ж. А. Еремекбаев. Его многолетний опыт работы в российских архивах (в частности Москвы, Омска, Оренбурга) и собранный документальный материал лег в основу монографии по истории казахов на территории России в советский период, а также различных работ по участию казахов в эпохальных событиях XX в. — Великой Отечественной войне, освоении целины (Еремекбаев 1999; 2004; 2007; 2014).

Посольство Республики Казахстан в России дважды издавало биографические сборники о представителях казахского народа, чья жизнь в разное время оказалась связанной с Россией (Казахи в России 2007; 2008). В 2014 г. в Алматы состоялась международная научная конференция, посвященная казахской диаспоре в Центральной Азии, в том числе в России (Казахская диаспора 2014). Сведения по демографии российских казахов и этнолингвистической ситуации в местах их расселения можно найти в последней сводной работе казахстанских авторов по проблемам казахских диаспор (Казахская диаспора и репатриация 2015).

Источник

Полевые материалы и проблема интерпретации

Книга написана на основе полевых материалов, собранных нами во время экспедиционных поездок. Полевые материалы — записи бесед с людьми, наблюдения, сделанные в разных ситуациях — весьма противоречивый источник. Несомненно, он обладает убедительностью очевидца — всё, о чем мы пишем, было увидено непосредственно в месте сбора материала, услышано и записано от наших респондентов. Однако так же несомненно, что увидено было далеко не всё, да и наши собеседники зачастую стремились рассказывать «как должно быть у казахов», а не то, как они поступают сами; какие-то моменты не желали разглашать; что-то хотели приукрасить. В наше время активного интереса общества к этнической культуре и вовлеченности в пространство средств массовой информации и интернета любой собеседник имеет представление о том, что и как надо рассказать про свой народ, поэтому нередко начальная часть общения носила официально-репрезентативный характер, и только после мы могли обсуждать обычную жизнь вне «этнографических» рамок. Такого рода собеседников мы полушутя назвали «профессиональными этнофорами» (в советской теории этноса было предложено представителей своего народа называть «этнофорами»). Таким образом, для нас было важно наладить коммуникацию,

*Беседа в ауле Артакишл. Омская обл., Шербакульский р-н. 2009 г.
Фото О. Б. Наумовой*

минимизировать искажения, вызванные предварительными установками, а иногда и языковой дистанцией, и устранить возникшее недопонимание. В таких ситуациях многое зависит от опыта полевого этнографа, его умения вести беседу и впоследствии реконструировать картину, как можно более приближенную к реальности. Кроме того, субъективного взгляда самого исследователя при интерпретации полевого материала избежать невозможно. К примеру, существует опасность распространить информацию, полученную от одного или нескольких собеседников, на «всех российских казахов».

Это общая для историков, социологов или антропологов ситуация перевода и интерпретации. Во-первых, гуманитарные науки принимают во внимание то адекватное знание, которое содержится в представлениях акторов о своих действиях. Во-вторых, и сами гуманитарные науки являются интерпретирующими дисциплинами. Поэтому очевидно, что наша реконструкция реальности во многом зависит от реакции и представлений наших собеседников. Естественно, мы пытались отслеживать и фиксировать все возможные реакции на то или иное событие или явление, сам процесс интерпретации акторами их действий. Следуя призыву Франсуа Досса, мы принимали всерьез представляемые нам аргументы и не пытались «их принизить или дискредитировать, противопоставляя им свою, якобы более глубокую интерпретацию» (Досс 2013: 15). Таким образом, мы стремились следовать интерпретационной парадигме, которая «выявляет значение интерпретации в структурировании деятельности, используя весь концептуальный ряд, все семантические категории, имеющие отношение к действию: интенции, волю, желания, мотивы, чувства и т. д. ...при этом повышается значение повседневности и самых разнообразных форм социальной жизни» (Досс 2013: 16).

Место и время поездок

В 1998, 2005–2012 гг. вместе и по отдельности мы вели полевые работы в местах расселения российских казахов. Наше исследование охватило большую часть территории с компактным проживанием казахов вдоль российско-казахстанской границы: в Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Оренбургской, Курганской, Омской областях, а также в Кош-Агачском р-не Республики Алтай.

Маршруты экспедиционных поездок 1998–2012 гг.

Год	Участники	Область	Города	Районы	Населенные пункты
1998 июнь–июль	О. Б. Наумова	Оренбургская Саратовская	Оренбург, Орск, Са- ратов	Домбаровский	Домбаровка
				Новоузенский	Новоузенка, Петропавловка
2005 июль	Е. И. Ларина, студенты кафедры	Самарская	Самара	Нефтегорский	Нефтегорск, Утёвка, Дмит- ровка
				Большеглу- шицкий	Большая Глушица
				Красноярский	Чапаево
				Кинельский	Казахский
				Большерчи- говский	Большая Черниговка, Кош- кин

Окончание табл.

Год	Участники	Область	Города	Районы	Населенные пункты
2006 июнь	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова	Республика Алтай		Кош-Агачский	Кош-Агач, Жана-Аул, Чаган-Узун, Джазатор, Чапаево (Теленгит-Сортогой), Тобелер
2006 август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Оренбургская	Оренбург, Соль-Илецк, Ясный	Акбулакский	Акбулак, Советское, Весёлый 1
				Илекский	Димитровский, Суходольное 3-е отд., Братский 2-е отд.
				Беляевский	Жанаталап, Новоорловка
				Домбаровский	Домбаровка, Прибрежный, 2-е отд. совхоза «Заря»
				Ясненский	Ясный
Адамовский	Адамовка, Карабутак, Нижняя Кийма, 2-е отд. Новосовхозный, Обильное				
2007 август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Астраханская	Астрахань	Красноярский	Байбек, Малый Арал
				Володарский	Володарский, Алтынжар, Егинаул, Казённый бугор, Камардан, Коровье, Новый Рычан
2008 июль– август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Саратовская	Саратов, Маркс	Александрово-Гайский (Алгайский)	Александров Гай (Алгай), Таловская, Сысоевский, Приузенский, Васильки 1, Луков Кордон, Канавки
				Новоузенский	Новоузенск, Дюрский, Дмитриевка, Первомайское (1-е и 2-е отд.), Алгайский
				Питерский	Питерка, Нива
				Ивантеевский	Ивантеевка
				Марковский	Караман
2009 июль– август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Омская	Омск	Исилькульский	Каскат, Кромы, Евсюки
				Шербакульский	Артакшил
				Таврический	Коянбай
2010 июнь	Е. И. Ларина	Омская	Омск		
2011 август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Курганская	Курган	Макушинский	Макушино, Обутковское
				Петуховский	Петухово, Октябрьское, Новогеоргиевка, Воробы, Зотино
				Половинский	Яровое, Жилино, Филиппово
2012 сен- тябрь	Е. И. Ларина, студенты ка- федры	Волгоградская	Волгоград	Николаевский	Путь Ильича
				Палласовский	Палласовка, Эльтон, Вишнёвка, Савинка, Кумысолечебница

Методика сбора полевого материала

Исследования проводились в основном маршрутным или кустовым методами: мы переезжали из аула в аул, работая в каждом от нескольких дней до двух недель, или же постоянно проживали в одном населенном пункте, выезжая на несколько дней в другие поселки района. Методика как маршрутных, так и кустовых исследований имеет очевидные недостатки, главный из которых — недостаточная глубина

наблюдений, достигаемых в стационарных полевых экспедициях. В таких условиях (которые диктовались главным образом вненаучными обстоятельствами, а именно возможностью финансирования экспедиций) мы сознательно оставили за бортом темы, требующие длительного повседневно и круглогодичного наблюдения над жизнью аульчан, такие, например, как взаимоотношения в семье или социальная структура локальной общности. В своей работе мы сосредоточились на отдельных социо- и этнокультурных аспектах — социальной и религиозной традициях и обрядовой сфере. Можно сказать, что они были подсказаны самими российскими казахами в первых же наших поездках: собеседники сами начинали разговоры на эти темы, охотно и заинтересованно отвечали на вопросы. Это в значительной степени облегчило нам задачу сбора материала в условиях ограниченных временных сроков.

Некоторый круг проблем и примерные варианты вопросов были изданы в виде опросника для неформализованных интервью. Любопытно, что он был необходимым инструментарием не только для студентов, но и делал понятными для сотрудников разного уровня администрации цели нашего исследования, в опроснике как бы декларировались наши намерения (*Ларина 2009*).

Организация полевой работы

Схема организации полевых исследований сложилась следующим образом: устанавливался контакт с областной национально-культурной организацией казахов, совместно с которой затем разрабатывался маршрут исследования по районам той или иной области. Роль общественных организаций переоценить довольно трудно. И дело здесь не только в организации и планировании маршрута, которые мы нередко составляли сами. Взаимодействие с НКО придавало нашему статусу ученых-исследователей дополнительный авторитет и весомость в глазах населения, поскольку мы становились своего рода гостями руководителей организаций. Такое положение имело очевидные достоинства и недостатки. С одной стороны, нам доверяли и перед нами были открыты все двери, наша деятельность приобретала легитимный характер в глазах населения и власти, нам легче было проводить экспертные интервью. С другой стороны, как и положено гостям, иной раз мы испытывали на себе все тяготы прославленного казахского гостеприимства — обильные дастарханы возникали не всегда к месту и времени (особенно за полночь). Мы испытывали неловкость перед хозяевами, вынужденными потратиться на застолье. Гораздо приятнее было оказаться на празднике случайно, или устроить его там, где мы жили продолжительное время, поскольку и мы могли принять участие в его подготовке. Обычно наш приезд предварял звонок из областного города или района центра, а толкование этого звонка могло быть различным.

Вот, например, одновременно грустный и смешной случай из Саратовской области. Мы приехали в одно поселение, в котором как следует подготовились к нашему приезду. Накрыли изобильный и немного чрезмерный дастархан, сварили бешбармак. За дастарханом собралось всё пожилое население, главным образом бабушки, а также местный аксакал. Мы почувствовали, что обидели хозяев, когда отказались от выпивки, как будто немного упал градус радости. Как положено, завязалась беседа. Обычай казахов не спрашивать гостя в лоб, откуда, куда и зачем он направляется, был соблюден и на этот раз — о нас знали лишь то, что было сообщено по телефону

(конечно, мы не знаем, кто и что о нас говорил). И вот все бабушки по очереди стали рассказывать о своей жизни и проблемах с маленькой пенсией, здоровьем и пр. так, если бы им заранее назвали несколько вопросов, которые могут нас заинтересовать. И вдруг одна бабушка расплакалась, стала рассказывать, что ей пришла квитанция на оплату налога за дом, сгоревший пять лет назад, а хозяин умер, а ей за восемьдесят. Конечно, наше сердце сжималось от сочувствия и беспомощности. Оказалось, что бабушки ждали от нас помощи — они приняли нас за социальных работников, поэтому так подробно говорили о своих бедах. Когда же поняли, что мы историки, то испытали разочарование от напрасных ожиданий: «Я в огороде была. Вон... бежит, говорит, давай одевайся, там гости приехали. Кто приехал? Какие гости? Я переоделась и бегом сюда». В другой раз к нашему приезду аксакалов и пожилых женщин собрали в доме культуры, нам предложили выступить и задать вопросы. Пришлось быстро сориентироваться, что-то рассказать; мы с удовольствием посмотрели документальный фильм пятидесятилетней давности об этом селе. К счастью, нас было несколько человек, и каждый из нас смог пообщаться с доставшимся собеседником.

Таких случаев в нашей практике было немного, но всякий раз мы испытывали и моральные, и профессиональные муки — невозможно работать с группой людей, специально собранных для нас — не сложится никакая душевная беседа. (Иногда покровительство НКО создавало препятствия и другого рода. Люди, настроенные

*Беседы в клубе. Саратовская обл., Новоузенский р-н, с. Дмитриевка. 2008 г.
Фото А. Е. Андреевской (Солдатовой)*

оппозиционно, критически, старались «держать язык за зубами», предполагая, что мы можем передать информацию руководителям, администрации.)

Большинство записанных нами интервью — более или менее продолжительные беседы один на один или с небольшой группой собеседников, обычно у них дома, иногда на рабочих местах — в школах с учителями, в музеях, в сельских администрациях с сотрудниками и т. д. Бывало, что беседа завязывалась на базаре, в транспорте или прямо на улице, поэтому не всегда была возможность фиксировать год рождения, профессию, а иногда даже имя собеседника. Записи делались в тетрадях или на диктофон. В работе мы много цитируем наших информаторов, чтобы, с одной стороны, дать читателю почувствовать голос самих российских казахов, сохранить человеческое измерение материала, с другой — подтвердить нашу интерпретацию тех или иных этнокультурных явлений. В большинстве случаев люди с готовностью и открыто отвечали на наши вопросы, рассказывали историю своих поселений и семей, описывали обычаи и традиции. Поэтому в ссылках мы полностью указываем фамилию собеседников, а в конце приводим список наших информаторов — людей, к которым относимся с большим уважением и которых можно назвать соавторами этой книги. Однако в некоторых случаях — при щекотливых или неоднозначных ситуациях — мы ограничиваемся инициалами по той причине, что не заручались согласием собеседников на цитирование их слов или опасаемся невольно причинить им неприятности. (Такая практика нередка среди исследователей. См.: *Абашии* 2005: 18.)

Каждый раз, входя в новый дом, мы просили рассказать личную историю и историю семьи, говорили «о старине» и «за жизнь». Мы были открыты времени и смене поколений, вписанной в ход истории. Нам были важны индивидуальные ментальные представления и индивидуальные стратегии, из которых впоследствии складывались коллективные представления. С одной стороны, следуя канонам советской этнографической школы, мы старались возможно точнее описывать ту или иную традицию, ритуал. С другой, нам было важно понять, что означали эти ритуалы и традиции, какова их «символическая эффективность», по словам Клода Леви-Стросса (*Lévi-Strauss* 1949), поэтому в каждом индивидуальном случае записывали толкование традиции наряду со всеми рефлексиями акторов. Будучи приверженцами изучения повседневности вслед за Карло Гинзбургом или Карло Пони, мы интересовались пограничными и нетипичными, индивидуальными случаями, через них изучая проблему.

Для нас была важна не история и этнография народа вообще, «национальная история», а индивидуальная память об истории, «следы» истории, как их называет Пьер Нора (*Nora* 1993), оставленные в памяти фактами, людьми, символами прошлого, через которые устанавливается связь прошлого с обретшим полноту настоящим. По словам Нора: «Это уже не предпосылки, а их результаты; не оставшиеся в памяти и даже не памятные деяния, а следы этих деяний и процесс их увековечивания; не события как таковые, а конструирование их с течением времени, забвение и переоценка их значения; не прошлое, каким оно было, а постоянное обращение к нему, использование его и злоупотребление им, его присутствие в настоящем; не традиция, а то, каким образом она создается и передается» (*Nora* 1993: 24). Таким образом, индивидуальная память наших респондентов